

ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

А. А. ЛЕГЧИЛИН¹⁾, В. С. САЙГАНОВА¹⁾, С. В. ВОРОБЬЕВА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Раскрывается сущность географической идентичности. Выделяются три группы факторов, оказывающих влияние на ее формирование в условиях глобализации, в частности факторы фактичности, условности и символичности. Отмечается, что факторы фактичности составляют первичный чувственно-соматический опыт, формируемый на границе существования с деятельностью. Показывается, что существование (действие) открывает путь к пространственно-временному мышлению и к лингвистически самоценным формам языка, раскрываемым как факторы условности и символичности. Факторы условности географической идентичности определяются особенностями пространственно-временного мышления. Последнее закрепляет систему условий, в которую входят метафорические сходства и метонимические смежности как архетипы географического местопребывания, образующие сущностную модель бытия и формирующие стратегии поведения. Факторы символичности представляют собой аллюзии к внеязыковой аналоговой реальности, составляющей парадигматику географической идентичности. Подчеркивается весомость эпистемологии концепта географической идентичности среди других концептов, что аргументировано необходимостью выявления источников неопределенности в глобальном мире и преодоления противоречий, связанных с центростремительными и центробежными тенденциями в географическом пространстве. Данная эпистемология свойственна мышлению благодаря антиномиям, подразумевающим распределение внимания и осцилляцию между указанными тенденциями, а также параметризацию фактичности, условности и символичности.

Ключевые слова: географическая идентичность; фактичность географической идентичности; условность географической идентичности; символизм географической идентичности; эпистемология географической идентичности; пограничье.

Образец цитирования:

Легчилин АА, Сайганова ВС, Воробьева СВ. Географическая идентичность в условиях глобализации. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2024;4:22–30.
EDN: OYCWURU

For citation:

Liahchylin AA, Saiganova VS, Vorobyova SV. Geographical identity in the context of globalisation. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2024;4:22–30. Russian.
EDN: OYCWURU

Авторы:

Анатолий Александрович Легчилин – кандидат философских наук, доцент; профессор кафедры философии культуры факультета философии и социальных наук.

Вероника Святославовна Сайганова – кандидат философских наук, доцент; декан факультета философии и социальных наук.

Светлана Викторовна Воробьева – кандидат философских наук, доцент; доцент кафедры философии культуры факультета философии и социальных наук.

Authors:

Anatoly A. Liahchylin, PhD (philosophy), docent; professor at the department of philosophy of culture, faculty of philosophy and social sciences.

liahchylin@bsu.by

<https://orcid.org/0000-0002-7644-9985>

Veronika S. Saiganova, PhD (philosophy), docent; dean of the faculty of philosophy and social sciences.

saihanava@bsu.by

<https://orcid.org/0000-0002-3831-2873>

Svetlana V. Vorobyova, PhD (philosophy), docent; associate professor at the department of philosophy of culture, faculty of philosophy and social sciences.

cherbourg@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-2173-6418>

GEOGRAPHICAL IDENTITY IN THE CONTEXT OF GLOBALISATION

A. A. LIAHCHYLIN^a, V. S. SAIGANOVA^a, S. V. VOROBYOVA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Corresponding author: A. A. Liahchylin (liahchylin@bsu.by)

Abstract. The essence of geographical identity is revealed. There are three groups of factors that influence the formation of geographical identity in the context of globalisation, in particular, factors of facticity, conventionality and symbolism. The factors of factuality constitute the primary sensory-somatic experience formed at the border of existence and activity. It is shown that existence (action) opens the way to spatiotemporal thinking and to linguistically self-valuable forms of language, revealed as factors of conventionality and symbolism. The factors of conventionality of geographical identity arise from the peculiarities of spatiotemporal thinking. It consolidates the system of conditions – metaphorical similarities and metonymic contiguities as archetypes of geographical location, forming an essential model of being and shaping behavioural strategies. Symbolic factors include allusions to the extra-linguistic analog reality that constitutes the paradigm of geographical identity. The importance of the epistemology of the concept of geographical identity in relation to other concepts is emphasised, which is argued by the need to identify sources of uncertainty in the global world and overcome contradictions associated with centripetal and centrifugal tendencies in geographical space. This epistemology is characteristic of thinking through antinomies, which implies the distribution of attention and oscillation between the indicated tendencies, and the parameterisation of factuality, conventionality and symbolism.

Keywords: geographical identity; factuality of geographical identity; conventionality of geographical identity; symbolism of geographical identity; epistemology of geographical identity; borderland.

Введение

В условиях глобализации актуальность вопроса географической идентичности связана с ее особым положением среди множества других идентичностей. Оно предопределено первичностью естественно-природных, территориальных и региональных границ в идентификационных механизмах. Эти границы не всегда очевидны, но оказываемое ими влияние и производимый эффект необходимо учитывать в решении проблем идентичности в условиях глобального мира. Немонотонный характер указанных границ проявляет себя, например, в ментальности социальных взаимодействий, имеющих явные или неявные географические привязки. Такая ментальность раскрывается как нравы, обусловленные привычками территориально определенного круга людей, или как обычаи, детерминированные длительностью их существования.

Значение географической идентичности в «глобальной деревне» (М. Маклюэн) предопределено смешением информационных, коммуникационных

и экономических связей, а также миграционных, туристических, финансовых и других потоков. Указанные связи и потоки объединяют культурные, этнические, расовые, религиозные идентичности в географические ареалы. В процессах глобализации они проявляют себя в разных аспектах, например в ассимиляции или сегрегации, праве на различие и культурную равноценность или дискриминации, толерантности или расизме. Данные аспекты раскрываются через предикаты географической идентичности и могут указывать на принадлежность к определенной нации, проживание в определенной местности и т. д. Такие предикаты необходимо эксплицитно раскрыть как парадигматические понятия, которые содержат представления, связанные с поселенческими факторами. Иными словами, парадигматика географической идентичности подразумевает локализованные в пространстве опытно-эмпирические представления о бытии и способах его осмысления и преобразования.

Постановка проблемы

Идентичность как механизм и ядро самосохранения или самосознания исследуется в разных научно-гуманитарных сферах (в философии, социологии, психологии). Данная тема раскрыта в разных аспектах, а также на разных уровнях, например на уровне культуры, религии, социума, личности, группы, этноса или нации. Однако в условиях глобализации социально-гуманитарное изучение иден-

тичности нуждается в устранении неопределенностей, связанных с ее географическими факторами, которые опосредуют множество других факторов идентичности и тем самым определяют проблемное поле исследования. Оно включает прежде всего вопросы пространства, времени и языка, обусловленные согласованностью (рассогласованностью) объективных внешних и субъективных личностных

критериев, которые находят отражение в аспектах территории, границы, пограничья, рубежа. Географические трактовки этих аспектов позволяют преодолеть лакуны в онтологии и эпистемологии идентичности. В частности, совместимость (несовместимость) представлений о границах пространства и временных длительностях создает разные территории смысла, способные приводить как к взаимному пониманию, так и к конфликтам (в качестве примера можно привести события на Ближнем Востоке).

Наличие пробелов в исследованиях идентичности мы связываем именно с географической иден-

тичностью. Раскрытие ее сущности, на наш взгляд, является методологически и практически важной проблемой. В связи с этим целью статьи выступает раскрытие сущности географической идентичности в условиях глобализации. Для реализации поставленной цели были решены следующие задачи: выявлены семиотические основания географической идентичности, обосновано ее особое (преимущественное) положение среди множества других идентичностей в контексте глобализации, выяснены ее эпистемологические перспективы в диагностических и экспертных процедурах и прогнозах.

Анализ основных исследований и публикаций по проблеме

Исследования, посвященные идентичности, имеют три направления. Первое направление характеризуется глобальным холизмом. Изучение идентичности в данном случае опирается на категории трансформации общественного сознания. В частности, У. Бек разработал концепцию становления космополитического самосознания (космополитической идентичности) [1]. Такая непространственная и вневременная идентичность представляет собой идеальную и, как правило, утопическую модель. Ее идеализм обусловлен игнорированием географических факторов, раскрываемых в контексте двух противоположных тенденций в рамках глобальных и локальных процессов [2; 3]. Эти процессы были дифференцированы Ф. Броделем. Приоритетным объектом его исследований стали природно-географические структуры [4, с. 41]. Ф. Бродель раскрыл космополитическую идентичность в контексте исторического времени, пренебрегая многообразными проявлениями повседневности, но учитывая топографию географической экспансии капитала.

В дальнейших исследованиях в рамках первого направления внимание акцентировалось на негативных последствиях развития капитализма в условиях глобализации, которые влекут изменения в идентичности. С одной стороны, авторы подчеркивают, что глобализация обостряет проблемы не только для капитализма и природы, но и для человека [5, с. 113–155]. Основным предметом анализа становится проблема катастрофических последствий развития технологий, способных преодолеть ограничительные силы природы. Дж. Мур, например, ставит под сомнение перспективу антропоцена в системе «мир – экология». Капиталоцен – «эра капитализма», эра глобальных завоеваний и всемирных присвоений «дешевой природы» – символизирует органическое единство «капитала, власти и природы»¹ [6, р. 81]. Но капиталоцен представляет собой еще и важный биогеологический момент эры, указывающий на смерть капитализма, но не человека [7, р. 135]. С другой стороны, авторы подчерки-

вают необходимость изменений наднациональной идентичности в терминах полезных ископаемых. В частности, Дж. Урри обвиняет консюмеризм в экологическом кризисе, так как потребление энергии растет прямо пропорционально потребляемым услугам и товарам [8, с. 264–270]. Подобная тенденция сдерживает рост развития общества в противоположном направлении, когда транснациональные корпорации уступают место небольшим инновационным компаниям. Желательную идентичность в этом случае Дж. Урри интерпретирует как самосознание «гражданского общества с низким потреблением углеводов» [8, с. 265].

В рамках второго направления исследований изучение идентичности происходит в контексте противостояния глобализации и локализации. Такие условия вынуждают искать баланс между холизмом и субстанциальным физическим атомизмом, единством и гетерогенными структурами (множественностью). Регионализм и региональные структуры становятся выражением инвариантности и множественности. В частности, региональная идентичность, формирующаяся в системе ее отношений к реальному внешнему миру, выступает исходной категорией в интеракционистском подходе [9].

Среди множества трактовок локальных цивилизаций преобладают географические трактовки. Их смысл предопределен особенностями природного ландшафта и климата, наличием полезных ископаемых, водных или лесных ресурсов, условий для выращивания продовольственных культур и т. д. Это значит, что первоначала идентичности обусловлены географическими особенностями, влияющими на способы бытия и мышления, а также на их временные и пространственные масштабы. Так, люди, возделывая рис, возделывают и «саму культуру сплоченности, взаимопомощи и трудолюбия» [10, с. 29]. Россияне также приписывают себе определенные первоначала идентичности «как следствие сурового климата и разреженного пространства» [10, с. 29].

¹Здесь и далее перевод наш. – А. Л., В. С., С. В.

В глобальном мире привязанность к определенной территории и конкретным «фрагментам географического пространства» [11, с. 52] становится весомым индикатором идентичности. В. Т. Михайлов и Й. Рунге обращают внимание на «необходимость разграничивать внутреннюю и внешнюю идентичность», раскрывать значения геополитических, цивилизационных и социально-экономических пространственных кодов [11, с. 52]. Н. А. Козловец подчеркивает значение географических признаков государства, а также эндогенных и экзогенных политико-географических образов [12, с. 55]. Континентальный подход к идентичности имеет географический подтекст в решении, например, проблемы «унификации или единства в разнообразии» в отношении европейской идентичности [13].

Исследование в рамках третьего направления конкретизирует онтологию и эпистемологию географической идентичности. Сознание и деятельность индивида и человеческих сообществ воспроизводят на уровне конкретных понятий и обыденных представлений не только исторические, культурные, общественно-политические, но и географические «сведения о той или иной стране», определяя ее идентичность [14, с. 40]. Таким образом, географические сведения являются сопряженными с поселенческими факторами идентичности и оказывают влияние на последующую онтологию и эпистемологию ее носителя. Онтология и эпистемология, согласно Ж. Делёзу и Ф. Гваттари, имеют две составляющие, а именно территорию и землю, между которыми находятся две зоны неразличимости – «от территории к земле» и «от земли к территории» [15, с. 40]. Эти зоны деструкции и реконструкции территорий детерминируют практику и практический смысл. По мнению П. Бурдьё, практика – это «диалектика объективных и инкорпорированных структур» [16], проявление особенностей географического пространства [17, с. 112]. Особенности

географического пространства находят выражение в практической универсализации или генерализации «некоторого способа действия и выражения» [17, с. 112]. В связи с этим проблема инвестиций, как «чувство перспективности вложения», тесно связана с географическим положением [17, с. 442].

Особое место в рамках третьего направления исследований занимают работы в области поведенческой географии [18], психогеографии [19; 20], а также географии мышления и географической ангажированности практик [21; 22]. Изучение данных аспектов обусловлено природно-географическим и социально-географическим временем. Структуры повседневности как материальной жизни – «люди и вещи, вещи и люди» [4, с. 41] – появляются на пересечении именно этих времен. Идентичность в рамках анализа бытия во времени в тройственной территориальной модели *индивид – нация – глобальный мир* также подразумевает географический профиль [23, с. 133–141].

Кроме того, географическая идентичность раскрывается в контексте онтологии и эпистемологии пограничья. Феномен пограничья, пограничного сознания и мышления изначально привязан к географии. В частности, экзистенциально-феноменологические аспекты пограничного сознания и мышления основываются на колониальном и экономическом разделении мира (Ф. Фанон, Г. Анзалдуа, Э. Дуссель, Э. Левинас) [24, р. 217; 25, с. 51–59]. В ряде работ идентичность определяется посредством соотношения новой и прежней территории проживания и рекомбинации новых и прежних географических образов [26, с. 188–189], а также с помощью хронологического подхода (пространственного, топографического, районирующего) [27].

Обозначенные направления исследований составляют проблемное поле географического подхода к идентичности в контексте глобального мира и позволяют перейти к обсуждению указанного вопроса.

Обсуждение проблемы

Под географической идентичностью следует понимать постоянный набор способов ее воспроизведения на основе соответствующих (географических) сходств и различий, которые оказывают заметное влияние на формирование других идентичностей, например этнокультурной, национальной, психолого-педиатрической или физиолого-гастрономической идентичности. Дифференциация сходств и различий восходит к типологии знаковых реальностей Ч. С. Пирса, которая опирается на различие знаков-икон, знаков-индексов и знаков-символов [28, с. 76–97]. Данная типология позволяет разграничивать такие факторы формирования географической идентичности, как фактичность, условность и символизм [29, с. 289–292], и дифференцировать,

соответственно, аналоговую, индексную и символическую реальности в зависимости от их данности в опыте.

Фактор фактичности в географических коннотациях означает физическое отношение к прототипам (прообразам) мира, которые составляют первичную чувственно воспринимаемую реальность. Аналоговая (фактическая) сущность географической идентичности раскрывается в зависимости от вида подобия – изоморфизма и гомоморфизма. На их основе формируются действия-образцы и экземпляры-образцы, например, географически обусловленного образа жизни как прототипа (сценарии гастрономических пристрастий, возрастные границы взросления или городская повседневность).

На пересечении дискурсивно-географических практик и эстетических техник Г.-Э. Дебор раскрывает ключевые категории аналоговых репрезентантов в психогеографии: дрейф, маршрут, картографию и ситуацию. С помощью данных категорий он переосмысливает городской ландшафт – «принципиально временные, изменчивые, перетекающие друг в друга атмосферы, порождаемые взаимодействием всех элементов городской среды и чувств живущих в ней людей» [19, с. 6]. В такой фактической среде «дрейф – практика обнаружения атмосфер», возникающих при взаимодействии элементов урбанизированного ландшафта и чувств (желаний) людей [19, с. 6]. Такие взаимодействия прокладывают маршруты. Их фиксация рождает новые картографии, открывающие путь к конструированию ситуаций, которые возводятся из «новых материалов – желаний и чувств» [19, с. 7]. Практики дрейфа, по мнению Г.-Э. Дебора, подчиняются не общепринятым мотивам к перемещениям и действиям, а импульсам территорий и случающихся на них событий и встреч. Элемент непредсказуемости не имеет решающей роли в практиках дрейфа, так как «каждый город имеет свой психогеографический рельеф с постоянными течениями, неподвижными точками и водоворотами, затрудняющими доступ в некоторые зоны или выход из них» [19, с. 20].

В географических коннотациях фактор условности означает наличие индексных (ассоциированных) связей объектов, сосуществующих в пространстве, времени и языке. Основные формы этих связей, физическая смежность и причинная зависимость, образуют вторичную реальность как систему условий. В этой системе индексная сущность географической идентичности раскрывается как память, в основе которой лежат механизмы ретенции и воспроизведения. Историко-географические ретенции заключаются в удержании накопленного опыта, формирование которого обусловлено природно-физическими, климатическими, территориальными и иными особенностями воспроизведения индексных связей, локализованных во временных, пространственных и смысловых взаимодействиях.

В качестве способов репрезентации времени в пространстве выступают метафора и метонимия. Такие способы являются схемами перцепции – опыта, устанавливающего длительность как условие времени и как условие различения диахронии и синхронии [30, р. 85–89]. Метафорические диахронические репрезентации времени представляют собой первичный сенсомоторный опыт установления отличия объекта от самого себя. Основу таких репрезентаций составляет метафорическое сходство того, что видно во времени, т. е. условие различения объекта самого по себе. Метонимические синхронические репрезентации пространства раскрывают опыт установления отличий одного объекта от другого. Значения

в синхронических репрезентациях транслируются посредством необходимых или узнаваемых аспектов – структур, функций, ролей, частей целого и т. д. Такие аспекты определяют интервалы абстракций в осмыслении реальности под углом пространственного размещения, или хорологии, поэтому время в географической идентичности – это, во-первых, «способность к упорядочиванию», проявляющаяся «вовне» [31, р. 28], во-вторых, «угроза исчезновения и разрушения» (например, в случае нарушения тематической когерентности прошлого, настоящего и будущего) [32, с. 173].

Фактор символизма в географических коннотациях не подразумевает связи с реальным миром. Символы не являются его прообразами, как знаки-иконны, и не ассоциированы с ним, как знаки-индексы. Символическая реальность выступает в качестве метафизического мира, надстроенного над фактической и условной реальностями. Надстройка включает язык и его конструкции, нуждающиеся в интерпретациях. Предметом интерпретации, согласно теории П. Рикёра, выступает «расшифровка смысла, стоящего за очевидным смыслом» [33, с. 18]. Речь идет о пути, открывающем несимволическую реальность. Ф. Фанон исследовал географические аспекты идентичности в контексте религиозного символического поклонения, подразумевающего приобретение чужого с целью претворить его в себе (чтобы затем погубить себя) или утвердить себя, обогатившись за счет чужого. Он рассуждал о чернокожем жителе Антильских островов, познавшем жизнь в метрополии, как о полубоге. Прожив некоторое время во Франции, этот человек становился объектом поклонения. Жители, заточенные на островах в полной безысходности, существовали в границах своего географического мира и не могли их разрушить. Эти границы мог пошатнуть только человек, прибывший из метрополии [34].

Типы реальности, распознаваемые на пересечении географии и семиотики, могут быть разделены лишь условно. Л. Малафурис считает, что материальные знаки являются частью того, что они выражают, именно по причине их вовлеченности в реальное пространство и время. Он подчеркивает, что люди мыслят, создавая знаки. Но это не означает, что создаваемые ими знаки репрезентируют или отражают разум. Поскольку психика свершается в материальных следах, постольку, например, «каменное орудие – это не продукт мышления, а способ мышления» [22, р. 3]. Отсюда следует, что способ мышления, ориентированный на видимость и аналогическую реальность, является в первую очередь географическим. Р. Нисбетт, исследуя проблему географии мышления, акцентировал внимание на том, почему азиаты и западники думают по-разному. Он разграничил объектно-ориентированное и контекстно-ориентированное мышление. Объектно-ориентированное

мышление обращается к предметам, аналитически извлекаемым из целостного контекста, который состоит из множества новых типов социальных референтов. Контекстно-ориентированное мышление учитывает вариации контекстов [21]. На основании такого подхода различают топографии и топологии. Новые видимые объекты, «по-другому мобилизующие пространство и время», раскрываются как индексные «связи между разными точками во времени и пространстве» и как «следы бесчисленных мест и моментов времени» [35, с. 112, 114, 115].

Пространственный символизм географической идентичности не может быть сведен к бинарным конструкциям. Но в любом случае он или упорядочен, т. е. имеет свою сетку, или хаотичен. Допустим, выбор места проживания предопределен практиками оседлости или номадизма (кочевничества). В концепции Ж. Делёза и Ф. Гваттари эти практики различаются, соответственно, единичностью (множественностью) центров и перспектив [36]. Сборка социальных объектов [37] в глобальном мобильном мире осуществляется под влиянием новой символической среды, создаваемой на основе информационно-компьютерных технологий, которые радикально преобразовывают пространство и время. В частности, географическое значение территорий в условиях мобильности [38] трансформируется: пространство мест становится пространством потоков с параллельным увеличением пространственных разрывов.

Дж. Урри связал мобильность как центральную проблему современности с географическими факторами идентичности. Категория мобильности и ее главные характеристики – глобальность, турбулентность и текучесть – имеют множественные связи с повседневностью. Формами выражения этих связей выступают географические перемещения, туризм, миграция, виртуальные путешествия во времени и др. Понимание этих процессов требует привлечения знаний из географии, которые проясняют сущность глобального мира как мира вечного движения, требующего иной интерпретации социального. Категория «социальное» в условиях глобализации все реже рассматривается в ракурсе общественного и все чаще трактуется как «сеть, мобильность и горизонтальная текучесть» [39, с. 13]. Дж. Урри заменил категории «сообщество» и «социальная структура» метафорой «поток». Потоки (информации, людей, товаров, денег, отходов и т. д.) и их пересечения и взаимосвязи рождают «неожиданные пространственно-временные паттерны» [39, с. 11]. Динамика потоков подобна ризоме Ж. Делёза и Ф. Гваттари [36], поэтому ее аналитика включает синхронические и диахронические, продольные и поперечные, половинчатые и совсем малые части. Потоки включают пространственно-

физические и пространственно-виртуальные (метафизические) перемещения как факторы географической самоидентификации.

В географической самоидентификации «пересекаются и начинают взаимодействовать концепты территории и идентичности» [26, с. 188]. Мобильность непосредственно влияет на это взаимодействие. В результате географическая идентичность охватывает представления о реальной физической и метафизической территории, возникающей в воображении. Прибытие на новую территорию рождает необходимые для укоренения географические образы, удаленность от покинутых мест рождает мифы о них. Мифологическое мышление создает модель мироустройства на основе разделения пространства на свое (чужое), безопасное (рискованное). Сценарии мифологических сюжетов конструируются на основе представлений о времени и пространстве (ориентация на прошлое, настоящее или будущее, на личное или публичное), обусловленных прежней географией. К таким сценариям применимы логические интерпретации культурного континуума [40, с. 20], основанные на дифференциации актуальной бесконечности и конструктивности, что позволяет различать синхронические и диахронические структуры в географической идентичности.

Миграция в глобальном мире демонстрирует несовместимость, с одной стороны, представлений о границах пространства и вытекающих из них конфликтах между габитусами и, с другой стороны, событий с разными границами. В этих представлениях можно обнаружить прерывность времени и разрывы культур. Временные разрывы и межкультурное пространство приводят к образованию пограничных зон (хронотопов), изменяющих ощущение принадлежности к конкретному месту. Феномен пограничья, пограничного сознания и мышления изначально привязан к географии. Экзистенциальные аспекты пограничного сознания и мышления представляют собой зону амбивалентностей, в которой парадоксально переплетены свой и чужой (Ф. Фанон, Э. Дуссель, Э. Левинас, М. ДеЛанда). Так, «чтобы выжить на пограничье, надо жить без границ и быть перекрестком» [24, р. 15]. Метафора перекрестка означает отказ от идентификации себя с устоявшимися структурами с помощью открытости новому, или экстериторности [41; 42], что позволяет преодолеть разорванное сознание. Данное преодоление требует центробежного толерантного мышления. Ему свойственны, по мнению Г. Ансальдуа, «отказ от стандартов» и утверждение новой перспективы включения, а не исключения инородных элементов [24, р. 17]. Такую открытость автор считает стратегией выживания в условиях пограничья.

Заключение

Сущность географической идентичности раскрывается посредством установления факторов ее

формирования – фактичности, условности и символичности. Они играют особую роль в условиях

глобализации. На этом основании эпистемология концепта географической идентичности эксплицируется в семиотическом контексте как аналоговое существование на границе с деятельностью, открывающее путь к пространственно-временному мышлению и лингвистически самооценным формам языка.

Фактичность географической идентичности составляет подобие первичной чувственно осознаваемой реальности самой реальности. Восприятие разворачивается в терминах соматического опыта, поэтому оно характеризуется условностью. Временные и пространственные взаимосвязи являются психологическими связями, так как они формируются на основе запечатления в памяти объектов и их образов с похожими (метафоры) или противоположными признаками (контрасты). Пространственно-временное мышление закрепляет систему условий, которая включает метафорические сходства и метонимические смежности как архетипы географического местопребывания. Они образуют сущностную модель бытия и формируют стратегии поведения. Символичность географической идентичности, или средства языка, отсылают к внеязыковой аналоговой реальности, составляющей парадигматику географической идентичности (центр и периферия, своя и чужая территория, границы дозволенного и запрещенного, ассоциации и диссоциации в коммуникации).

Особое положение географической идентичности среди других идентичностей обусловлено факторами, позволяющими выявлять источники неопределенности в глобальном мире. Такие источники

присутствуют в конкретных пространственно-временных отношениях и могут быть раскрыты посредством параметризации фактичности, условности и символичности. Параметрами фактичности и условности выступают, соответственно, внеязыковые структуры (иконы и индексы) и языковые структуры (символы). В связи с этим концепт географической идентичности позволяет, с одной стороны, расширить проблематику идентичности, с другой стороны, видоизменить существующие в этой области подходы, основанные на абстракции индивида.

Эпистемология концепта географической идентичности обусловлена необходимостью решить проблемы глобального мира и преодолеть противоречия, связанные с центростремительными и центробежными тенденциями в географическом пространстве. Данная эпистемология как ментальность воплощена в антиномическом мышлении, подразумевающим распределение внимания и осцилляцию между указанными тенденциями. С одной стороны, географическая планетарная идентичность метафорически выражает центростремительные тенденции к единству, интеграции, договорным отношениям и сотрудничеству, подкрепляемым, например, признанием общечеловеческих экологических ценностей. С другой стороны, географическая территориальная идентичность выражает центробежные тенденции к многообразию, обусловленному наличием ориентационных пространственно-временных систем. Они предопределяют трактовку явлений или событий как стагнацию или развитие, традицию или инновацию. Символизм трактовок детерминирован образами Запада или Востока, Севера или Юга.

Библиографические ссылки

1. Бек У. *Космополитическое мировоззрение*. Москва: Центр исследований постиндустриального общества; 2008. 311 с.
2. Легчилин А, Воробйова С. Крос-культурні моделі цивілізаційної ідентичності. *Українська полоністика*. 2020;17: 40–49. DOI: 10.35433/2220-4555.17.2020.
3. Samoilenko D, Liahchilin A, Vorobyova S, Osinsky P. A geographical identity in the global world. *Mlada Veda*. 2024;1:1–12.
4. Бродель Ф. *Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Том 3, Время мира*. Москва: Весь мир; 2008. 752 с.
5. Манн М. Конец, может, и близок, только для кого? В: Дерлугьян Г, редактор. *Есть ли будущее у капитализма?* Москва: Издательство Института Гайдара; 2017. с. 113–155.
6. Moore J. The rise of cheap nature. In: Moore JW, editor. *Anthropocene or capitalocen? Nature, history, and the crisis of capitalism*. Oakland: PM Press; 2016. p. 78–115.
7. McBrien J. Accumulating extinction planetary catastrophism in the necrocent. In: Moore JW, editor. *Anthropocene or capitalocen? Nature, history, and the crisis of capitalism*. Oakland: PM Press; 2016. p. 116–137.
8. Урри Дж. *Как выглядит будущее?* Матвеев А, переводчик. Москва: Дело; 2018. 315 с.
9. Абельс Х. *Интеракция, идентификация, презентация*. Головин НА, Козловский ВВ, редакторы. Санкт-Петербург: Алетейя; 2000. 261 с.
10. Рубцов АВ. Вирусы и цивилизации. О новом влиянии биокатаклизмов на эволюцию социокультурных моделей и цивилизационных проектов. *Вопросы философии*. 2020;8:20–31. DOI: 10.21146/0042-8744-2020-8-20-31.
11. Михайлов ВТ, Рунге Й. Идентификации человека: территориальные общности и социальное пространство: опыт концептуализации. *Социологические исследования*. 2019;1:52–62. DOI: 10.31857/S013216250003747-4.
12. Козловец МА. *Феномен національної ідентичності: виклики глобалізації*. Житомир: Видавництво ЖДУ імені І. Франка; 2009. 558 с.
13. Козловец МА. *Європейська ідентичність: уніфікація чи «єдність в розмаїтті»?* *Гуманітарний вісник ЗДІА*. 2009; 37:72–86.
14. Петренко ВФ, Митина ОВ, Гладких НЮ. Психосемантика «мягкой силы» в геополитике. *Социологические исследования*. 2018;1:40–51. DOI: 10.7868/S0132162518010051.

15. Делёз Ж, Гваттари Ф. *Что такое философия?* Зенкин СН, переводчик. Москва: Институт экспериментальной социологии; 1998. 286 с.
16. Бурдьё П. *Практический смысл*. Шматко НА, редактор. Санкт-Петербург: Алетейя; 2001. 562 с.
17. Бурдьё П. *Социальное пространство: поля и практика*. Шматко НА, редактор. Санкт-Петербург: Алетейя; 2005. 576 с.
18. Голд Дж. *Психология и география. Основы поведенческой географии*. Федулов СВ, переводчик. Москва: Прогресс; 1990. 302 с.
19. Дебор Г. *Психогеография*. Соколинская А, переводчик. Москва: Ад Маргинем Пресс; 2017. 111 с.
20. Джеймисон Ф. *Марксизм и интерпретация культуры*. Москва: Кабинетный ученый; 2014. 412 с.
21. Nisbett RE. *The geography of thought: how Asians and Westerners think differently... and why*. New York: The Free Press; 2003. 288 p.
22. Malafouris L. Mind and material engagement. *Phenomenology and the Cognitive Sciences*. 2019;18:1–17. DOI: 10.1007/s11097-018-9606-7.
23. Загрийчук ИД. Глобализация и национально-культурная идентичность. *Вісник Національної юридичної академії України імені Ярослава Мудрого. Серія: Філософія, філософія права, політологія, соціологія*. 2009;1:133–141.
24. Anzaldua G. *Borderlands. La Frontera. The new mestiza*. San Francisco: Aunt Lute Boors; 2012. 312 p.
25. Рэйзор Т. Пространственное представление пограничья. В поисках Беларуси на цивилизационных картах Самюэля Хантингтона и Александра Дугина. *Палітычная сфера*. 2007;8:51–59.
26. Замятин ДН. Идентичность и территория: гуманитарно-географические подходы и дискурсы. В: Семененко ИС, Фадеева ЛА, редакторы. *Идентичность как предмет политического анализа*. Москва: ИМЭМО РАН; 2011. с. 186–203.
27. Замятин ДН. *Гуманитарная география: пространство и язык географических образов*. Санкт-Петербург: Алетейя; 2003. 331 с.
28. Пирс ЧС. *Начала прагматизма*. Кирющенко ВВ, Колопотин МВ, переводчики. Санкт-Петербург: Алетейя; 2000. 316 с.
29. Воробьева СВ. Семиотические основания когнитивной герменевтики. В: Дёмин ИВ, редактор. *История. Семиотика. Культура: сборник материалов Международной научной конференции, посвященной 250-летию Фридриха Шлейермахера; 23–24 ноября 2018 г.; Самара, Россия*. Самара: Самарский университет; 2018. с. 289–296.
30. Lévinas E. Diachronie et représentation: à la recherche du sens. *Revue de l'Université d'Ottawa*. 1985;55:85–98.
31. Lévinas E. *Le temps et l'autre*. Paris: Presses universitaires de France; 1979. 92 p.
32. Рикёр П. Кант и Гуссерль. В: Найман ЕА, Суровцев ВА, редакторы. *Интенциональность и текстуальность: философская мысль Франции XX века*. Томск: Водолей; 1998. с. 162–194.
33. Рикёр П. *Конфликт интерпретаций. Очерки по герменевтике*. Вдовина ИС, переводчик. Москва: Академический проект; 2008. 695 с.
34. Фанон Ф. Черная кожа, белые маски. *Новое литературное обозрение* [Интернет]. 2020 [процитировано 2 мая 2024 г.];161(1). URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/161_nlo_1_2020/article/21969/.
35. Латур Б. Визуализация и познание: изображая вещи вместе. *Логос*. 2017;27(2):95–156.
36. Делёз Ж, Гваттари Ф. *Тысяча плато: капитализм и шизофрения*. Екатеринбург: У-фактория; 2010. 892 с.
37. Латур Б. *Пересборка социального. Введение в акторно-сетевую теорию*. Полонская И, переводчик. Москва: Издательский дом Высшей школы экономики; 2014. 382 с.
38. Урри Дж. *Мобильности*. Лазарев АВ, переводчик. Москва: Праксис; 2012. 320 с.
39. Урри Дж. *Социология за пределами обществ: виды мобильности для XXI века*. Москва: Издательский дом Высшей школы экономики; 2012. 336 с.
40. Воробьева СВ, Легчилин АА. Кросс-культурные основания тенденций цивилизационного развития. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология*. 2018;2:17–22.
41. Lévinas E. *Totalité et infini. Essai sur L'Extériorité*. La Haye: M. Nijhoff; 1991. 343 p.
42. DeLanda M. *A new philosophy of society: assemblage theory and social complexity*. London: Continuum; 2006. 160 p.

References

1. Beck U. *Kosmopoliticheskoe mirovozzrenie* [A cosmopolitan worldview]. Moscow: Tsentr issledovaniy postindustrial'nogo obshchestva; 2008. 311 p. Russian.
2. Legchylin A, Vorobjova S. [Cross-cultural models of civilisational identity]. *Ukrai'ns'ka polonistyka*. 2020;17:40–49. DOI: 10.35433/2220-4555.17.2020. Ukrainian.
3. Samoilenko D, Liahchilin A, Vorobyova S, Osinsky P. A geographical identity in the global world. *Mlada Veda*. 2024;1:1–12.
4. Braudel F. *Material'naya tsivilizatsiya, ekonomika i kapitalizm, XV–XVIII vv. Tom 3, Vremya mira* [Material civilisation, economics and capitalism, XV–XVIII centuries. Volume 3, Time of peace]. Moscow: Ves' mir; 2008. 752 p. Russian.
5. Mann M. [The end may be near, but for whom?]. In: Derlug'yan G, editor. *Est' li budushchee u kapitalizma?* [Does capitalism have a future?]. Moscow: Izdatel'stvo Instituta Gaidara; 2017. p. 113–155. Russian.
6. Moore J. The rise of cheap nature. In: Moore JW, editor. *Anthropocene or capitalocen? Nature, history, and the crisis of capitalism*. Oakland: PM Press; 2016. p. 78–115.
7. McBrien J. Accumulating extinction planetary catastrophism in the necrocent. In: Moore JW, editor. *Anthropocene or capitalocen? Nature, history, and the crisis of capitalism*. Oakland: PM Press; 2016. p. 116–137.
8. Urry J. *Kak vyglyadit budushchee?* [What does the future look like?]. Matveenko A, translator. Moscow: Delo; 2018. 315 p. Russian.
9. Abels H. *Interaktsiya, identifikatsiya, prezentatsiya* [Interaction, identification, presentation]. Golovin NA, Kozlovskii BB, editors. Saint Petersburg: Aleteiya; 2000. 261 p. Russian.
10. Rubtsov AV. Viruses and civilizations. The new impact of biocataclysms on the evolution of sociocultural models and civilization projects. *Voprosy filosofii*. 2020;8:20–31. Russian. DOI: 10.21146/0042-8744-2020-8-20-31.

11. Mihaylov VT, Runge J. Identifications of individuals: territorial communities and social space: an attempt of conceptualisation. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2019;1:52–62. Russian. DOI: 10.31857/S013216250003747-4.
12. Kozlovce' MA. *Fenomen nacional'noi' identychnosti: vyklyky globalizatsii'* [The phenomenon of national identity: challenges of globalisation]. Zhytomyr: Vydavnytstvo ZhDU imeni I. Franka; 2009. 558 p. Ukrainian.
13. Kozlovce' MA. [European identity: unification or «unity in diversity»?]. *Gumanitarnyj visnyk ZDIA*. 2009;37:72–86. Ukrainian.
14. Petrenko VF, Mitina OV, Gladkikh NY. Psychosemantics of «soft power» in geopolitics. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2018;1:40–51. Russian. DOI: 10.7868/S0132162518010051.
15. Deleuze G, Guattari F. *Chto takoe filosofiya?* [What is philosophy?]. Zenkin SN, translator. Moscow: Institut eksperimental'noi sotsiologii; 1998. 286 p. Russian.
16. Bourdieu P. *Prakticheskii smysl* [Practical meaning]. Shmatko ON, editor. Saint Petersburg: Aleteiya; 2001. 562 p. Russian.
17. Bourdieu P. *Sotsial'noe prostranstvo: polya i praktiki* [Social space: fields and practices]. Shmatko ON, editor. Saint Petersburg: Aleteiya; 2005. 576 p. Russian.
18. Gold J. *Psikhologiya i geografiya. Osnovy povedencheskoi geografii* [Psychology and geography. Fundamentals of behavioural geography]. Fedulov SV, translator. Moscow: Progress; 1990. 302 p. Russian.
19. Debord G. *Psikhogeografiya* [Psychogeography]. Sokolinskaya A, translator. Moscow: Ad Marginem Press; 2017. 111 p. Russian.
20. Jameson F. *Marksizm i interpretatsiya kul'tury* [Marxism and interpretation of culture]. Moscow: Kabinetnyi uchenyi; 2014. 412 p. Russian.
21. Nisbett RE. *The geography of thought: how Asians and Westerners think differently... and why*. New York: The Free Press; 2003. 288 p.
22. Malafouris L. Mind and material engagement. *Phenomenology and the Cognitive Sciences*. 2019;18:1–17. DOI: 10.1007/s11097-018-9606-7.
23. Zagrychuk YD. [Globalisation and the national-cultural identity]. *Visnyk Nacional'noi' jurydychnoi' akademii' Ukrainy imeni Jaroslava Mudrogo. Seriya: Filosofija, filosofija prava, politologija, sociologija*. 2009;1:133–141. Russian.
24. Anzaldúa G. *Borderlands. La Frontera. The new mestiza*. San Francisco: Aunt Lute Boors; 2012. 312 p.
25. Razor T. [Spatial representation of the frontier. In search of Belarus on the civilisational maps of Samuel Huntington and Alexander Dugin]. *Palitychnaja sfera*. 2007;8:51–59. Russian.
26. Zamyatin DN. [Identity and territory: humanitarian and geographical approaches and discourses]. In: Semenenko IS, Fadeeva LA, editors. *Identichnost' kak predmet politicheskogo analiza* [Identity as a subject of political analysis]. Moscow: IMEMO RAN; 2011. p. 186–203. Russian.
27. Zamyatin DN. *Gumanitarnaya geografiya: prostranstvo i yazyk geograficheskikh obrazov* [Humanitarian geography: space and language of geographical images]. Saint Petersburg: Aleteiya; 2003. 331 p. Russian.
28. Peirce ChS. *Nachala pragmatizma* [The beginnings of pragmatism]. Kiryushchenko VV, Kolopotin MV, translators. Saint Petersburg: Aleteiya; 2000. 316 p. Russian.
29. Vorob'eva SV. [Semiotic foundations of cognitive hermeneutics]. In: Demin IV, editor. *Istoriya. Semiotika. Kul'tura: sbornik materialov Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 250-letiyu Fridrikha Shleiermakhera; 23–24 noyabrya 2018 g.; Samara, Rossiya* [History. Semiotics. Culture: collection of materials of the International scientific conference dedicated to the 250th anniversary of Friedrich Schleiermacher; 2018 November 23–24; Samara, Russia]. Samara: Samara University; 2018. p. 289–296. Russian.
30. Lévinas E. Diachronie et représentation: à la recherche du sens. *Revue de l'Université d'Ottawa*. 1985;55:85–98. French.
31. Lévinas E. *Le temps et l'autre*. Paris: Presses universitaires de France; 1979. 92 p. French.
32. Ricœur P. [Kant and Husserl]. Naiman EA, Surovtsev VA, editors. *Intentsional'nost' i tekstual'nost': filosofskaya mysl' Frantsii XX veka* [Intentionality and textuality: the philosophical thought of 20th century in France]. Tomsk: Vodolei; 1998. p. 162–194. Russian.
33. Ricœur P. *Konflikt interpretatsii. Ocherki po germeneytike* [Conflict of interpretations. Essays on hermeneutics]. Vdovina IS, translator. Moscow: Akademicheskii proekt; 2008. 695 p. Russian.
34. Fanon F. [Black skin, white masks]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [Internet]. 2020 [cited 2024 May 2];161(1). URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/161_nlo_1_2020/article/21969/. Russian.
35. Latour B. Visualization and cognition: drawing wings together. *Logos*. 2017;27(2):95–156. Russian.
36. Deleuze G, Guattari F. *Tsyacha plato: kapitalizm i shizofreniya* [A thousand plateaus: capitalism and schizophrenia]. Yekaterinburg: U-faktoriya; 2010. 892 p. Russian.
37. Latour B. *Peresborka sotsial'nogo. Vvedenie v aktorno-setevuyu teoriyu* [Reassembling the social. An introduction to actor-network-theory]. Polonskaya I, translator. Moscow: Higher School of Economics Publishing House; 2014. 382 p. Russian.
38. Urry J. *Mobil'nosti* [Mobility]. Lazarev AV, translator. Moscow: Praxis; 2012. 320 p. Russian.
39. Urry J. *Sotsiologiya za predelami obshchestv: vidy mobil'nosti dlya XXI veka* [Sociology beyond societies: types of mobility for the 21st century]. Moscow: Higher School of Economics Publishing House; 2012. 336 p. Russian.
40. Vorobyova SV, Liahchylin AA. Cross-cultural bases of tendencies of civilization development. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology*. 2018;2:17–22. Russian.
41. Lévinas E. *Totalité et infini. Essai sur L'Extériorité*. La Haye: M. Nijhoff; 1991. 343 p.
42. DeLanda M. *A new philosophy of society: assemblage theory and social complexity*. London: Continuum; 2006. 160 p.

Статья поступила в редакцию 03.10.2024.
Received by editorial board 03.10.2024.